

международной политической практике, то есть нация – это совокупность граждан одного государства»; при этом для наименования входящих в государство сообществ остаются понятия национальностей и народов [там же: 10].

Такая позиция вызвала буквально шквал критики в отечественной политической науке, социологии и этнологии. В. А. Тишков как один из наиболее компетентных ученых в этой сфере не мог не внести определенные, зачастую серьезные коррективы в свою идею нации и национального государства. В одной из своих недавних статей он соглашается, что в результате общественно исторического развития «появились самые мощные и широкие социальные группировки людей, которые сначала в Европе, а затем и в остальном мире получили название ‘нация’». Они представляли собой «сообщества (согражданства), находящиеся под одной суверенной властью», властью, сегодня связываемой с нацией-государством или национальным государством [Тишков 2017].

Впрочем, в плане замысла и предназначения этой статьи данные рассуждения не имеют особого значения, поскольку она посвящена выяснению правомерности именно вышеприведенного положения Преамбулы и ст. 3 Конституции РФ. В этом контексте считаю уместным привести предлагаемое Тишковым решение данной проблемы. Так, критически и справедливо оценивая «исключительно этническую интерпретацию категории ‘нация’», Тишков соглашается с возможностью пересмотра или переосмысления юристами «таких основных документов, как Конституция, которая начинается словами: ‘Мы – многонациональный народ’». Однако не может не вызвать некоторое недоумение вывод автора, по мнению которого «формула ‘нация наций’ освобождает от ревизии текста Основного закона». Развивая дальше свою мысль, он пишет: «Предлагаемое нами правовое признание и уже реально существующее в России двойственное и не исключающее друг друга понимание нации открывает возможность определения российского народа как нации наций» [там же]. Получается весьма странная, на мой взгляд,